

Your personal ethics might recommend *uncooperativeness*. But when we broaden our view to consider the other people around, we will almost all understand the superiority of morality with its restrictions on many of our “appetites” and “passions.”

Personal programs of behavior – what I have called “ethics” rather than “morals” – vary enormously, and of course are extremely important on the human scene. But those very programs lead us to see the need for cooperation with outsiders. You may think your personal crusade the most important thing in the world, but others will not. So what next? How do you act in relation to them? Being ready to limit your own pursuits of what you claim to be “the good” is a virtue we’ll all do well to cultivate. It enables us to live well among our fellows, and so to benefit from their kindness and helpfulness as well as from their forbearance from doing evils to us.

This explanation of morality is the best we have, I believe. It shows us that morality is something we all have reason to support, and thus to guide our lives by. It does not show that we all *will* do that, alas. But nothing can show that.

Life isn’t that simple!

Ян Нарвесон¹

Большинство людей наделено моральным чувством как особой сферой оценки. Каждый оценивает кухню, фильмы, различного рода утварь и артефакты и т.д. Большинство выносит деловые оценки, организационные и проч. Но при этом они думают, что мораль – это что-то специфическое. И они правильно думают. Почему это именно так?

Первый ответ на данный вопрос состоит в том, что мораль применяется независимо от наших специфических интересов и проектов. Она также независима от политики в том смысле, что мы можем сказать о каком-то определенном правительстве, что его политика моральна или аморальна, не принимая во внимание, чье это правительство и где оно находится.

Менее очевиден тезис, что мораль универсальна, поскольку многие люди приписывают мораль либо к их конкретной религии, либо к их конкретному обществу, либо к ним обоим. Раньше для этого было определенное извинение, но

---

¹ Ян Нарвесон — заслуженный профессор в отставке, Университет Ватерлоо, Онтарио, Канада. Автор нескольких книг, среди которых «Моральные проблемы», «Уважение к личности в теории и на практике», «Это этическая теория».

его больше не существует. Один их важнейших предметов моральной озабоченности – это религиозная свобода: уважение к религии других людей, даже если она очень сильно отличается от твоей собственной (если у тебя она есть, конечно). Совершенно очевидно, что это уважение само не может быть основано на какой-то религии.

Второй момент состоит в том, что мораль понимается как нечто такое, что корректирует наши частные интересы и страсти. Мы не можем просто делать то, что хотим, даже если мы считаем это очень важным.

Почему так? Чтобы оценить, что именно стоит здесь под вопросом, абсолютно необходимо провести важнейшее (хотя и не строгое) разграничение между двумя сферами оценки данного типа. Я предпочитаю обозначать это разграничение с помощью слов «этика» и «мораль», хотя другие теоретики использовали бы данные обозначения противоположным образом. Я же намереваюсь использовать их так. «Этика» – *более широкое* понятие: она озабочена тем, *как жить*, как достичь *хорошей жизни* для себя самого (действующего лица) или для любого другого, к кому этика может быть обращена. Мораль, со своей стороны, *социальна*, предмет ее озабоченности – «что делать», «что я должен делать *в отношении других людей*»? (*Всех* других людей или во всяком случае всех, с кем я нахожусь или могу оказаться в соприкосновении. А в наше время – действительно «всех»!)

Эти два явления существенно отличаются друг от друга. Каждый из нас имеет свои интересы, свою любовь и ненависть, свои идеалы, устремления и т.д. Они сильно отличаются у одних людей и у других. В той мере, в какой наши действия затрагивают только или в основном нас самих, основной вопрос таков: какие действия из тех многих действий, что я мог бы совершить, являются наилучшими для моей жизни? Часто из этого следует, что мы должны себя ограничить во многих отношениях. Например, не есть слишком много или не есть то, что может ухудшить наше здоровье. У нас есть основание самыми разными способами «умерять свои страсти», как это понял уже Аристотель, однако, иногда (о чем он, кажется, не говорил с такой готовностью) мы имеем основание разжигать пламя определенной страсти (например, для того, чтобы выиграть в спорте, завоевать даму или мужчину своего сердца, увидеть торжество справедливости). На этом (этическом) уровне мы вполне можем вести жизнь тирана или преступника, или хотя бы не заботящегося ни о ком самовлюбленного человека. Именно здесь начинает работать мораль.

Мораль – это набор общих правил, или требований, относящихся ко всем нам и касающихся нас всех. Они указывают, как нам следует себя вести по отноше-

нию к себе подобным. По поводу ее содержания было пролито много чернил, но есть такие отправные точки, которые признаются широко и на серьезном основании. В очень общем виде фундаментальные требования отлично выразил Т. Гоббс, который говорит, что первый и фундаментальный естественный закон состоит в том, чтобы стремиться к миру и использовать военные методы только тогда, когда другие не оставляют тебе выбора, начиная войну против тебя. Если более конкретно, то под миром он подразумевает ненасилие, неагрессивность. Однако он предлагает и последующие законы, три из которых заслуживают нашего внимания. Второй закон – не стремиться к такой степени свободы по отношению к другим людям, которую ты не допустил бы у других людей по отношению к тебе. Свобода оставляет людей в покое, не вмешивается в их дела. Идея Гоббса, как и намного позднее идея Милля, в этом случае состоит главным образом в том, что, когда другие действуют иначе, чем ты – «Все ОК!». Нам следует жить и давать жить другим до того предела, пока их свобода в действительности не начинает препятствовать нашей.

Его третий закон состоит в том, чтобы соблюдать «соглашения» или более просто – договоренности с другими людьми, которые предполагают как взаимные действия (так поступают почти все), так и возможность уклониться от них. «Я почешу тебе спину, а ты почешешь мне». А теперь предположим, что ты первым почесал мне спину и что чесать другого неприятно и неудобно. У меня есть искушение не отвечать тем же, не чесать его в свою очередь. Но мораль говорит: «Сделай это!». Тот факт, что совершение обоюдного согласованного действия *больше* не в моих интересах, не принимается как основание для того, чтобы его не совершать.

И, наконец, существует нечто большее, а именно, что мы должны быть благодарны, когда люди оказывают нам услуги, и что мы должны «приноравливаться ко всем остальным», в особенности поддерживать работающие попытки скоординировать наши действия, такие, например, как вождение автомобиля по одной и той же стороне дороги (правой, если это то, что делают другие, левой, если это то, что делают все они). [Об этом четвертый и пятый естественные законы Гоббса.]

Мораль – этот набор межличностных правил – очень важна. Но почему? Потому что такие правила дают нам возможность жить и поступать наилучшим образом, когда мы находимся среди других людей, а мы среди них почти всегда. Однако, хотя они дают такую возможность всем «нам», они не позволяют каждой отдельной личности делать то, что, по ее мнению, является для нее абсолютно и максимально «наилучшим». Мы не можем все быть самыми богатыми, или самыми быстрыми, или самыми *какими угодно*, но все мы вполне способны быть богатыми, здоровыми, живущими долго, полноценно реализующими себя в том случае, ес-

ли мы сотрудничаем. И попытка добиться большего приведет нас к серьезным бедам, поскольку когда ты стремишься достичь результата, которого другие не могут достичь, в силу того, что его уже достиг ты, ты находишься в соревновательных отношениях с ними, и такое соревнование часто превращается в насильственное. Пытаясь жить за счет своего меча, ты наталкиваешься на старую поговорку «кто живет за счет меча, тот от меча и погибает». Это, к сожалению, не всегда верно. Верно другое: *если* кто-то живет за счет своего меча, то кто-то *другой* – много других – вероятнее всего умрут или будут страдать от лезвия этого меча. Конечно, эти люди попытаются дать сдачи, а в итоге всем нам будет хуже. Жить в обществе, которое терпит и даже поощряет такие вещи, значит обеспечить худшую жизнь для огромного количества людей. Так как ты никогда не можешь точно знать, не будешь ли именно ты одним из тех многих, которые потеряют больше, чем приобретут, то тебе как разумной личности следует поддерживать моральную систему в надежде на приостановку подобных тенденций.

Твоя личная этика может рекомендовать тебе *не*-кооперативность. Но когда мы расширим наше поле зрения, включив в него других людей вокруг нас, мы почти все поймем превосходство морали с ее ограничениями, касающимися множества наших appetites и страстей.

Личные программы поведения – то, что я назвал «этикой», а не «моралью» – отличаются друг от друга чрезвычайно и, конечно, очень важны для человеческого мира. Но именно эти программы ведут нас к тому, чтобы обнаружить потребность в кооперации с посторонними для нас людьми. Ты можешь думать о каком-то личном крестовом походе как о самой важной вещи в мире, но другие так думать не будут. И что дальше? Как ты будешь действовать по отношению к ним? Готовность ограничивать свое собственное стремление к тому, что ты считаешь «благом» – это такая добродетель, которую нам всем неплохо бы культивировать. Это дает нам возможность жить хорошо среди своих собратьев и таким образом получать выгоду от их доброты и предупредительности, а также от их воздержания от причинения нам зла.

Я полагаю, что это объяснение морали является лучшим из тех, что мы имеем. Оно показывает нам, что мораль есть нечто такое, что каждый из нас имеет основания поддерживать и чем в силу этого руководствоваться в своей жизни. К сожалению, это не доказывает того, что мы все *будем* делать именно так. Но последнее вообще ничем нельзя доказать.

Жизнь не так проста!

Перевод с английского А. Прокофьева